

Э. Грейс

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ДЕЛАХ ОБ УБИЙСТВЕ*

(Афины V—IV вв. до н. э.)

В КЛАССИЧЕСКИЙ период подавляющая масса рабов в Афинах была личной собственностью афинских граждан или метеков. Они, кроме того, большей частью были негреческого происхождения, между тем как большинство чужеземцев, посещающих город, вероятно, было не только лично свободными людьми, но и гражданами других греческих полисов. Общественная пропасть между этими группами, очевидно, очень глубока. И все же в одном отношении раб и приезжий чужеземец стояли на одной и той же ступени: и тому и другому положению была присуща полная юридическая недееспособность. В этом отношении они отличались друг от друга, главным образом, тем, в каких пределах они могли приобретать правоспособность. Это различие проистекало из разницы в их отношении к гражданской общине.

Со времен доклассической эпохи раб унаследовал обладание «религиозной личностью» как член дома его господина¹. Когда в конце VII в. система полусакральных, обычноправовых процедур, испокон веков сопровождавших кровную месть, была переоформлена в полисное законодательство, это свойство раба проявилось под видом правовой личности: в суде по убийствам раб мог выступать свидетелем обвинения. Это право раба *μαρτυρεῖν* в делах об убийствах продолжало признаваться в классический период, когда в других областях судопроизводства раб *qua* раб не имел никакой правоспособности. Таким образом, раб, если можно так выразиться, вступил в классический период с некоторым преимуществом перед ксеном в отношении правового положения.

В течение столетия или несколько больше — примерно от последней четверти V века до смерти Александра, откуда дошла основная масса наших сведений, это преимущество было ликвидировано. Судебные права ксена, которые зависели от межгосударственных отношений, а не от отношений между отдельными людьми, могли и, видимо, часто действительно

* Статья основана на III главе исследования юридического положения неграждан, обвиняемых в убийствах. Постановку общей темы см. в работе: E. G r a s e, *Status Distinctions in the Draconian Law*, «Eirene», XI, 1973, стр. 5—30.

¹ См. L. G e r n e t, *Aspects du droit athénien de l'esclavage*, *Droit et société dans la Grèce ancienne*, P., 1964 (далее — *Esclavage*), стр. 154; о н ж е, *Les «Lois» et le droit positif* (далее — *Introd.*) — P l a t o n, *Oeuvres complètes*, XI, 1, P., 1951, стр. CXXII.

увеличивались от нуля до полного равенства с гражданами в афинских судах, между тем как задолго до Аристотеля основным моментом в правовом положении раба стала его способность «принадлежать другому (человеку)» (Arist., Pol. I, 5, 1254b 20—21; ср. I, 4, 1254a 14—16). Вне сферы законодательства об убийстве раб по-прежнему не пользовался активными судебными правами; что касается пассивных прав, то по закону об убийстве он имел право на отмщение в том смысле, что господин мог вчинить *δίκη φόνου* убийце своего раба, но когда убийцей был его собственный господин, от права раба на отмщение оставалось, в лучшем случае, только пятно на совести убийцы (Ant., VI, 4; ср. Plat., Leg. 865d, 868a). Закон против *ὑβρις*, который также, вероятно, восходит к раннему афинскому законодательству², защищает раба, как и гражданина, от нанесения ущерба его личному достоинству, но нет твердого свидетельства тому, что там, где дело шло о рабе, эта защита была более чем номинальной (с двусмысленной риторикой Dem., XXI, 46 следует сравнить простое рассуждение Dem., LIII, 16). В других юридических контекстах рядовой раб ойкоса по своему положению мало чем отличался от остальных предметов ойкосного инвентаря.

Правда, раб мог быть назван в обвинительном документе как непосредственный виновник нанесенного ущерба (Dem., XXXVII, 50—51; LV, 30—34), и в так называемых торговых процессах раб в отсутствие своего хозяина и, вероятно, будучи агентом его за морем, мог выступать свидетелем в афинском суде, что предполагает возможность его выступления также в качестве стороны в процессе о лжесвидетельстве (Dem., XXXIV — Лампид: §§ 5, 8, 10, 18—20, 46; другие рабы: §§ 28—31, 41). Однако в первой ситуации господин раба признается подлинным ответчиком³, а во второй — раб, очевидно, выступает не *qua* раб⁴. Оба эти явления должны быть, вероятно, связаны с усиливающейся тенденцией со стороны рабовладельцев расширять свою предпринимательскую деятельность, передавая поверенным рабам более или менее полную власть в ведении своих дел, а иногда даже и их собственных⁵. Такая эволюция методов эксплуатации рабов, должно быть, улучшала материальное и личное положение тех сравнительно немногочисленных рабов, которых она затрагивала, и к тому же иногда приводила к появлению их имен или, может быть, их самих в суде в качестве номинальных ответчиков. Но поскольку за этим стояла или воля или реальная юридическая ответственность рабовладельца, это не вело к признанию правоспособности рабов как таковых.

Основная задача этой статьи заключается в том, чтобы определить по мере возможности, каково было юридическое положение раба, обвиненного в убийстве. Однако характер свидетельств, касающихся этой пробле-

² См. G. R. M o r g o w, The Murder of Slaves in Attic Law, ClPh, XXXII, 1937, стр. 226.

³ См. J. H. L i p s i u s, Das attische Recht und Rechtsverfahren, Lpz, 1905—1915 (далее — AR), стр. 795 сл.; L. G e r n e t, в Lysias. Discours, II, P., 1962, стр. 228; он же, Esclavage, стр. 173 сл.; A. R. W. H a r r i s o n, The Law of Athens, I. The Family and Property (далее — LA I), Oxf., 1968, стр. 173 сл.; Э. Л. К а з а к е в и ч (Э. Грейс), Рабы как форма богатства, ВДИ, 1958, № 2, стр. 105; Э. Г р е й с, О конкубинате в Афинах классического периода, ВДИ, 1968, № 1, стр. 31.

⁴ В этих делах (*δίκη ἐμπορικῆ*, учрежденных в середине IV в. с целью ускорить и упростить судопроизводство в этой области) все участники, будь они гражданами, чужеземцы или рабы, на суде выступали в качестве людей, занятых морской торговлей, — со статусными различиями сторон и свидетелей, видимо, просто не считались. О рабах см. U. E. P a o l i, Il prestito marittimo nel diritto attico, «Studi di diritto attico», Firenze, 1930, стр. 107 сл.; G e r n e t, Esclavage, стр. 163; Э. Л. К а з а к е в и ч, О рабах-агентах в Афинах, ВДИ, 1961, № 3, стр. 17—19.

⁵ Э. Л. К а з а к е в и ч, Были ли рабами *οἱ χεῖρες οἰκοῦντες*? ВДИ, 1960, № 3, стр. 27 сл.; он же, О рабах-агентах в Афинах, стр. 5 сл.

мы, таков, что требует попутного рассмотрения всех аспектов положения раба в делах об убийствах. Кроме права раба на то, что его смерть будет отомщена по $\deltaίκῃ \phiόνου$ в суде Палладия⁶, и его права давать свидетельские показания в пользу обвиняющей стороны в процессах об убийствах (Ant., V, 48), утверждалось, что раб также имел право защищать себя в суде против обвинения в убийстве. Указания на все три права искусно переплетены в одном коротком отрывке защитительной речи по делу об убийстве Герода (Ant., V, 46—48), текст которого приложен к статье. Только здесь мы находим и ясное утверждение права раба выступать свидетелем и намек на то, что раб имел право отвечать в суде на обвинение в убийстве (Харрисон точно улавливает чисто «логическое» качество этого указания в нашем тексте)⁷. Для того чтобы проверить обоснованность этого намека, будет необходимо разложить аргументацию выступающего на составные части и выяснить, насколько это возможно, где он цитирует подлинный закон и где он только оперирует «вероятностями».

1. СВИДЕТЕЛЬСТВО АНТИФОНТА

Право на судебный процесс. Современное мнение о том, что в Афинах раб, обвиненный в убийстве, имел право защищать себя в суде, опирается прежде всего на 47—48 параграфы речи Антифонта «Об убийстве Герода». В этом месте выступающий, который сам защищается от такого же обвинения, повторными ссылками на «голосование» ($\eta \phiῆφος$ ⁸) как на процедуру, необходимую для того, чтобы раб был наказан за убийство, старается представить дело так, как будто бы его обвинители нарушили афинские правовые порядки, убив раба «без голосования», т. е. без суда, $\alphaῖρετον$, как он и уточняет в своем выводе («Д» в приложенном тексте). Д. М. Макдоуэлл, который в связи с другим вопросом останавливается на § 48⁹, принимает этот вывод без комментариев. Поскольку уникальность этого свидетельства придает ему решающее значение для вопроса, который особенно нас интересует, посмотрим, какими путями выступающий пришел к этому выводу и какую роль аргументация в §§ 47—48 должна была сыграть в его защите.

Обвинители утверждали, что убитый ими раб был соучастником в убийстве Герода, и подсудимый уже указал на недействительность улики, на которых базировалось это утверждение (§§ 39, 42, 47). Но так как улики заключались в показаниях этого раба при допросе его под пыткой ($\betaάσανος$), что считалось очень веским доказательством, и при допросе раб также сказал, что подсудимый играл главную роль в убийстве Герода, подсудимый теперь пытается не только отвести острие показаний раба от себя, но и направить его против обвинителей, доказывая, что они подлежат судебному преследованию (кем именно, он не говорит) за нарушение афинского закона, поскольку они частным порядком осудили и казнили этого раба.

⁶ Arist., Ath. pol. LVII, 3; Dem., XLVII, 70—72; ср. Isocr., XVIII, 52. Об исключительном праве господина (или ближайших родственников господина) убитого раба вносить иск убийце свидетельствует указанное место в XLVII речи демосфеновского корпуса (см. H. D. Evjen [Dem.] 47, 68—73 and the $\deltaίκῃ \phiόνου$, RIDA, XVIII, 1971, стр. 255—265; некоторые мои замечания по поводу этого текста будут опубликованы в «Eirene», XIII, 1975).

⁷ Harrison, LA I, стр. 173: «We are ill informed of the procedure when a slave was suspected of homicide... Ant. 5 Her. 47 certainly implies that procedure against him in legal form was prescribed».

⁸ Это слово употребляется дважды в «А» (см. приложенный текст), по одному разу в «Г» и «Д», та же идея заключена в «Б», но, кажется, она умышленно обойдена в «В».

⁹ D. M. MacDowell, Athenian Homicide Law in the Age of the Orators, Manchester, 1963 (далее — AHL), стр. 103 сл.

Посылки, на которых он основывает это заключение («Б», «В» и «Г» в приложенном тексте), подобно блокам, взятым из различных строений для вторичного использования, плохо сходятся друг с другом, хотя каждое положение в отдельности может оказаться правильным. Вкратце они сводятся к следующему. «Б»: даже полис не имеет права приговорить кого-нибудь к смерти без одобрения афинян, — тем более они, частные лица, не вправе были без суда казнить этого раба. Это, по-видимому, ссылка на постановление о передаче в афинскую юрисдикцию судебных дел, возникающих в полисах — членах архе (речь датируется в пределах 424 и 414/13 годах) и касающихся преступлений, влекущих за собой наказание смертной казнью, изгнанием или ущемлением в гражданских правах (*ἀτιμία*)¹⁰. «В»: согласно законам (или обычаю), даже рабов, убивших своих господ, частным порядком не наказывают. «Г»: в делах об убийствах признают известную правоспособность рабов (в качестве свидетелей и жертв). Эти последние права, если обычно принятый текст можно считать надежным¹¹, явно не имеют отношения к рабу в роли обвиняемого, т. е. к тому рабу, о котором идет речь, но тем не менее выступающий приводит их как основание для «логического» (*εἰκός τοι ... ὥστε*) заключения, нужного ему для того, чтобы осадить противников, а именно «Д»: что они, казнившие этого раба без суда, сами должны быть привлечены к суду за это. Действительно, он как будто использует все и вся.

Рассмотрим эту аргументацию теперь с точки зрения ее юридического содержания. Если скомбинировать «А» и «Б» с § 39, первое положение сводится к следующему: «Вы говорите, что раб признал свое участие в убийстве Герода. Это не так, но как бы то ни было, тем, что вы осудили и казнили его сами, вы нарушили правило о необходимости одобрения афинянами всех смертных приговоров». Здесь раб представлен в роли человека, обвиненного в убийстве, с которым поступили без соблюдения афинских юридических норм. Но то, на что оратор ссылается, это не закон об убийстве, да и не касается рабов. Когда в «В» и «Г» он начинает приводить нормы, касающиеся именно рабов в делах об убийствах, теряется связь с конкретным случаем, на котором базировалось первое утверждение, как ни ложно его правовое основание: «Ведь никто сам не карает раба-убийцу смертью, а обращается к властям. К тому же рабы, имеют известные права в процессах об убийствах, например, раб может выступать свидетелем против свободного». Так, шаг за шагом, он подходит к подлинной сфере действия законодательных норм; при этом, однако, также меняется тема (чтобы этого не заметили!). Наконец, оратор приводит то, что ясно и надежно засвидетельствовано, и общим утверждением и конкретным случаем, в дру-

¹⁰ См. Lipsius, AR, стр. 971, прим. 15, 973; Busolt-Swoboda, стр. 1357 и прим. 5; A. W. Gomme, A Historical Commentary on Thucydides, Oxf., I¹, 1945, стр. 342, прим. 2. Ср. G. E. M. de Ste Croix, Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire, Cl. Phil. XI, 1961 (далее — Jurisdiction), стр. 94 сл., 270—272; IG, I², 101 (Самос, 412 г.), 6—7; I², 39, 73—76 = Meiggs-Lewis, № 52 (Халкида, 446/5 г.). Десенткруза (Jurisdiction, стр. 271) так комментирует Ant., V, 47: «Я не могу поверить, что даже раб не мог быть умерщвлен нигде в империи без разрешения афинян, но я считаю один этот отрывок достаточно авторитетным основанием для распространенного теперь мнения, что вообще... никто (никакой свободный человек) не мог быть казнен союзным государством без разрешения афинян». Мне бы хотелось только заменить слова «свободный человек», словом «гражданин» (союзного полиса) ввиду характера наказаний, упоминаемых в надписях, и вероятной политической цели этих предписаний (см. [Xen.] Ath. pol. I, 14—18; Jurisdiction, стр. 270). О датировке V речи Антифонта см. Jurisdiction, стр. 271, прим. 3.

¹¹ См. рукописное чтение *τόν*, отмеченное в части «Г» приложенного текста. Если бы было возможно оставить его и заменить *δοῦλον* на *δοῦλῳ*, получилось бы совершенно другое предложение: «Даже для раба, убившего свободного, голосование равным образом имеет силу».

гих источниках как часть афинского законодательства об убийстве (Arist., Ath. pol. LVII, 3; Dem., XLVII, 70, 72; Isocr., XVIII, 52), но поскольку приведенная теперь юридическая норма (конец «Г») рассматривает раба как невинную жертву убийства, она плохо увязывается с отправным положением: «Когда раб убит, его господин может преследовать убийцу судебным порядком, убивший раба должен предстать перед вашим судом так же, как и убивший свободного человека». Упрочив конец своего рассуждения несомненным законодательным пунктом¹² и кое-как соединив понятие «раб» с понятием «судебный процесс», оратор торжественно заявляет, «что и требовалось доказать!» по первоначальному положению: «Итак, вы видите, его дело должно было слушаться в суде, вы не должны были казнить его... без суда! Это вы, а не я, должны стоять здесь на месте обвиняемого!».

Вся эта аргументация является не столько доказательством, сколько ловко задуманным парадоксом, имеющим целью отразить опасное для подсудимого свидетельство βίσιανος, приводимое обвиняющей стороной. Она занимает лишь одну из целых 36 страниц, занятых текстом этой речи в издании Бласса, и к обвинению, предъявленному в этом месте, оратор больше не возвращается. Однако отрывок стоит разбора из-за того существенного, что он все же сообщает о правовом положении рабов в делах об убийствах. Теперь уже можно, я думаю, заключить, что родственники Герода, убив этого раба¹³, которого они с такой пользой допрашивали, не нарушили афинского закона. В противном случае выступающий мог бы не прибегать для своих обоснований к постановлению, касающемуся архе. Не было бы необходимости в логическом жонглировании, чтобы «вывести» нужное ему заключение. Он мог бы прямо и просто сослаться на соответствующий пункт закона — если такой существовал.

Великий современник Антифонта охарактеризовал его как *κράτιστος ἐνδομηθῆναι* (Thuc., VIII, 68, 1), т. е., по мнению Фукидида, у него была очень развита способность к рассуждающему мышлению. Рассуждения клиента Антифонта в рассматриваемом отрывке напоминают ту разновидность риторической энтимемы, которая определена Аристотелем как «объединение того, что разделено, или разделение того, что объединено; поскольку то, что в действительности не то же самое, часто представляется таковым, нужно повернуть дело так, как более удобно» (Rhet. II, 24, 3). Точно так, по-моему, поступает наш оратор, но Макдоуелл относится более доверчиво к честности и дельности его доказательства — настолько, что он хотел бы устранить новым толкованием текста то единственное, что, по его мнению, не увязывается с общей логикой этих рассуждений, а именно, упоминание о праве рабов выступать свидетелями в суде. Макдоуелл находит этот пункт «совершенно не связанным» с контекстом § 48, где «речь

¹² Практика, на которую ссылаются в «В», вытекала, я полагаю, скорее из табу («не оскверни себя убийством», ср. I s o c r., XII, 181), чем из полисного законодательства. В своем идеальном законе об убийстве Платон допускает, чтобы в некоторых обстоятельствах казнили раба-убийцу частные лица, но при этом он оговаривает, что такие смертные казни не должны рассматриваться как оскверняющие тех, кто приводит их в исполнение (Leg. 868bc *καθαρὸς εἶναι*; ср. A n t., VI, 4). Но и если допустить, что в Греции того времени запреты обычного права, подобные тому, который, может быть, лежал в основе утверждения в «В», могли воздействовать на людей с такой же моральной силой, что и письменный закон, все же нарушение обычая, кажется, не приводило к такому процессу, необходимость которого «выводит» наш оратор в «Д».

¹³ Кстати, это был их собственный раб, а не раб выступающего, как предполагает Десенткруза (Jurisdiction, стр. 271), так как они купили его (см. «А»), возможно, у владельца корабля, в команду которого он входил и из которого Герод исчез. См. K. J. M a i d m e n t, Minor Attic Orators, I, L., 1941 (далее — MAO), стр. 180, прим. с.

идет об убийстве раба» — «the speaker is talking about the killing of a slave» (АНЛ, стр. 104). В этом параграфе оратор, действительно, ведет речь about the killing of a slave, но в пределах одного и того же § 48 он говорит об этом, по крайней мере, в двух ¹⁴ различных смыслах. Первое предложение («В») касается казни раба, совершившего убийство. Если принять обычное толкование фразы с μαρτυρεῖν в «Г», остальная часть § 48 представляет раба не только в двух различных качествах, как думает Макдоуелл, но даже в трех: как свидетеля обвинения в деле об убийстве, как невинную жертву убийства и опять как предполагаемого убийцу, которого по рассуждениям оратора не следовало убить (казнить) без суда. Право раба выступать свидетелем не больше и не меньше связано с его правом, якобы вытекающим из доводов оратора, защищаться в суде от обвинения в убийстве, чем с его правом на отмщение, если он станет невинной жертвой убийства. Следовательно, утверждение Макдоуелла, что в § 48 выступающий говорит about the killing of a slave не совсем адекватно тематике этого параграфа речи.

Как замечает Макдоуелл, главная идея, которую выступающий хочет возрастить в умах судей, эта та, которой он касается последней: «даже раб не должен быть казнен без суда» (АНЛ, ук. место). Он, очевидно, стремился достичь этого, ведя к своему заключению через ряд более или менее сходных идей: в делах об убийствах рабы имеют права в одном отношении, в другом отношении, — из этого ясно вытекает (εἰχός τοι), что они имеют их и в третьем отношении. Таким образом, «неуместное» упоминание о рабах-свидетелях делает свое определенное дело в приготовлении почвы для финального парадокса — «вы должны стоять перед судом, а не я», который должен был стряхнуть чары показаний, данных рабом под пыткой ¹⁵.

Другое замечание Десенткруза о ссылке оратора в § 47 на афинское юрисдикционное постановление, запрещающее наложение высших мер наказания судами подчиненного полиса без одобрения афинян (Jurisdiction, стр. 271; см. выше прим. 10), затрагивает одно качество аргументации в §§ 47—48, которое имеет прямое отношение к отправной мысли в рассуждениях Макдоуелла по поводу фразы о свидетелях в § 48, т. е. что эта фраза плохо увязывается с контекстом. По поводу § 47 (т. е. довод «Б» в прилагаемом тексте) Десенткруз пишет: «Для афинского оратора было совсем типичным взять из афинского декрета, касающегося такого рода дел, какие-нибудь общие слова и спокойно отнести их к случаю умерщвления раба»; в сноске он добавляет: «И см. параграф 48». Действительно: в § 48 оратор разыгрывает такую же игру в цитаты, что и в § 47. Указание на это может быть полезным, но попытка устранить «порок» едва ли поможет нам понять своеобразие этого памятника древней судебной риторики.

Рабы-свидетели и доносчики. Макдоуелл не ограничивается указанием на эту неувязку; он пытается привести ее в соответствие, во всяком случае, с той частью контекста, в котором раб выступает в качестве (невинной) жертвы убийства. Он рассматривает текст § 48 в связи с современной дискуссией о том, действительно ли разрешалось использовать в процессах об убийстве показания, полученные от рабов без применения пыток.

¹⁴ В юридическом отношении нужно, вероятно, провести различие между делом раба, убившего своего господина, и делом раба, убившего другого свободного, так как последний случай мог привести к судебному спору. О последствиях такого случая прямых сведений нет, но возможно, например, что родственники убитого могли требовать передачу раба или им самим или властям для наказания. См. G e r n e t, *Esclavage*, стр. 156—158; P l a t., *Leg.* 868c, 879a.

¹⁵ Этот прием — своего рода тактика шока — был, вероятно, рекомендован в риторических пособиях. Ср. A r i s t., *Rhet.* II, 24, 4; см. также A n t., V, 59 и L y s., XXI, 16.

иными словами, могли ли рабы выступать на таких процессах в качестве *μάρτυρες*. Изучение свидетельств источников об этом убедило Макдоуелла, что нет достаточно прочных оснований для окончательного решения вопроса (АНЛ, стр. 102—109). Утверждение в Ant., V, 48 как будто бы ясно свидетельствует о наличии такого права у рабов, но при этом обычном толковании фразы торчит «неувязка». Макдоуелл предлагает иное толкование, согласно которому слова *μартуреῖν ἔξεστι δοῦλῳ κατὰ τοῦ ἐλευθέρου τὸν φόνον* не означают «допустимо, чтобы раб давал свидетельские показания против свободного в деле об убийстве», но «допустимо давать свидетельские показания в интересах раба против свободного о том, что он был убит» (АНЛ, стр. 105; «он» относится к рабу). Макдоуелл находит, что обычный перевод к тому же игнорирует артикль перед *φόνον*, и что его собственное толкование дательного падежа *δοῦλῳ* как косвенного дополнения к *μартуреῖν* грамматически оправдано, например, фразой в Dem., XXXIII, 37 *μартурῆσαι τις αὐτῷ κατ' ἐμοῦ* «кто-нибудь даст свидетельские показания в его пользу и против меня». Но это совсем иного типа предложение: в нем только один глагол, он стоит в индикативе и его подлежащее ясно выражено. У Антифонта предложение с *μартуреῖν ἔξεστι δοῦλῳ* уравновешено хиазмом со следующим предложением *τῷ δεσπότην... ἐπεξελεῖν*, которое управляется тем же *ἔξεστι*. Это обстоятельство прямо требует, чтобы дательному падежу было придано одно и то же значение в обоих случаях.

Другое слабое место в доводах Макдоуелла — то, что он не отмечает близости фразы у Антифонта и в грамматическом отношении, и по содержанию к фразе в «Законах» Платона *δοῦλῳ... φόνον μόνον ἔξεστω μартуреῖν* (Leg. 937ab), хотя на стр. 108 Макдоуелл приводит эти слова Платона, переводя общепринятым образом: пусть рабу «будет разрешено выступать свидетелем ... только по делам об убийстве». Правда, у Платона нет артикля перед *φόνον*, но это — худое основание для того, чтобы отвергнуть очень ясную параллель в конструкции фразы (см. также Gernet, Esclavage, стр. 152 сл.). Наличие артикля все же не ставит непреодолимой преграды перед обычным пониманием фразы у Антифонта, хотя Макдоуелл безусловно прав в том, что артикль не следует игнорировать. Но, по-моему, нельзя сказать, что он игнорируется, например, в переводе Мейдмента «a slave is allowed to give evidence that a free man is guilty of murder»¹⁶. Артикль здесь придает некоторую конкретность, которую Мейдмент, по-моему, метко уловил. Главное возражение Макдоуелла против обычного понимания этой фразы, — что она не соответствует контексту, — по моему мнению, не имеет веса, так как контекст, т. е. вся аргументация §§ 47—48, представляет собой явную смесь, надерганную из имеющих и не имеющих отношения к делу правовых положений и предназначенную отвлечь судей и ослабить воздействие доказательства-*βάσις*.

Примечательно отсутствие в этой смеси какого-нибудь указания на участие рабов в процессе правосудия в качестве «доносчиков», *μηνυταί* — тем более потому, что в предисловии к своему изложению прав рабов в делах об убийствах выступающий подчеркнуто называет этим термином раба, указавшего под пыткой на его виновность в убийстве Герода (см. «А» в Приложении). Это слово обозначает человека, который указывает, словом или пальцем, на виновного в каком-то преступлении (например, Ant., II β 6, δ 3). Такое указание, конечно, и есть своего рода свидетельство, и иногда под более широким понятием *μартυρία* имеется в виду передача именно такой узко-обвинительной информации. В известном контексте, однако, доносчик играет определенную роль в юридическом про-

¹⁶ M a i d m e n t, МАО, стр. 195; ср. J. H. K e l l s, Cl. R., XV, 1965, стр. 207.

цессе, информация, переданная им, может иметь определенные юридические последствия, и здесь слово *μήνσις* никак не заменяемо словом *μαρτυρία*.

В таком контексте *μήνσις*, сообщая о преступлении, указывает на виновного тем лицам, кто правомочен на этом основании начать судебное действие. Как считают историки права, *μήνσις* в собственном, «техническом» смысле слова относится только к донесению о преступлении против всей общины, и информация предоставлялась должностным лицам¹⁷. В очень важных делах, когда преступление было известно, а совершивший его неизвестен, за такую информацию могло быть обещано Советом денежное вознаграждение (*μήνιστρα*) или неприкосновенность (*ἄδεια*) в отношении судебного преследования или какого-нибудь наказания, если доносчик был замешан в данном преступлении, как это было в случае профанации Мистерий и порчи герм в 415 г. (And., I, 11 сл.; Thuc., VI, 27—28, 53), а рабы-доносчики могли быть вознаграждены деньгами или свободой, или, возможно, и тем и другим: And., I, 28; Lys., V, 5; VII, 16; ср. Meiggs-Lewis, № 83 (Фасос). Все это касается *μήνσις* в том смысле, который считается строго юридическим или «техническим» (Morrow, PLS, стр. 84 сл.).

С юридической точки зрения предоставление властям информации о преступлении против государства, могущей вести к возбуждению судебного действия типа эйсангелии,— дело, очевидно, иное, чем предоставление информации об убийстве родственникам убитого, которые могут использовать эту информацию против убийцы только путем внесения ее в суд в форме свидетельских показаний (*μαρτυρία*) или в форме доказательства *βάσανος*. Однако главным образом в связи с дискуссией о словоупотреблении в ряде речей Антифонта, касающихся убийств (цитируют в этой связи I, 30; II γ 4, ср. β 7, δ 7; VI, 23), у некоторых ученых возникла теория, согласно которой афинское право признавало *μήνσις* рабов также в делах об убийствах, и под утверждением в Ant. V, 48 о праве раба *μαρτυρεῖν* в деле об убийстве нужно подразумевать *μήνσις*¹⁸.

Все участники этой дискуссии, по-видимому, отправляются от предположения о том, что в качестве *μήνισται* рабы не подвергались пытке, так как это могло бы удержать их от предоставления информации. Так и должно было быть в отношении рабов, готовых предоставлять нужную информацию. Но если в связи с предполагаемым заговором против правящих кругов даже свободный не-гражданин, не желающий назвать Совету именно те имена, «которые ему подскажут», мог быть принужден к этому пыткой (Lys., XIII, 25; ср. §§ 21—22, 27, 59—60), то а fortiori это, должно быть, относилось и к рабу; и сведения, полученные у неохотного доносчика, служили таким же веским, если даже не лучшим основанием для возбуждения действия (см. там же, § 19). В данном случае, правда, речь идет о донесениях тому Совету, который тогда же собирался содействовать установлению тиранической власти Тридцати, но «в техническом смысле» время беззакония было еще впереди. Поэтому, когда Морроу пишет, «мы знаем также, что раб-доносчик (в техническом смысле слова) не подвер-

¹⁷ Lipsius, AR, стр. 208 сл.; G. R. Morrow, Plato's Law of Slavery in Its Relation to Greek Law, Urbana, Ill., 1939 (далее — PLS), стр. 76, 84 сл.; ср. Garnet, Esclavage, стр. 152 сл. По мнению Жерне (там же, стр. 152, прим. 4), в юридически самом строгом употреблении термина, *μήνσις* относится только к донесению, ведущему к экстраординарному действию *εἰσαγγελία*.

¹⁸ См. критический анализ этой теории у Morrow, PLS, стр. 83—89. В этой связи Морроу рассматривает две работы: M. Guggenheim, Die Bedeutung der Folterung im Attischen Prozesse, Zürich, 1882 и R. J. Bonner, Evidence in Athenian Courts, Chicago, 1905 (обе работы остались мне недоступными). См. также Lipsius, AR, стр. 873, прим. 29.

гался пытке»¹⁹, это нуждается в известных оговорках и, во всяком случае, не дает нам критерия распознавать наличие или отсутствие *μήνυσις* в «техническом» смысле.

Последнее замечание касается, в частности, рассуждений тех ученых (в первую очередь это — Гуггенхайм), кто предложил видеть в ссылках на *μαρτυρία* рабов у Антифонта признание афинским правом *μήνυσις* рабов в делах об убийстве. Это предложение базируется на двух соображениях. Во-первых, известно, что, как правило, в суд не принимали показаний рабов, не проверенных допросом под пыткой, т. е. рабы не выступали в суде в качестве *μαρτυρες*. Во-вторых, ввиду отсутствия в источниках ссылок на случаи выступления рабов в суде в качестве *μαρτυρες* в процессах об убийствах, справедливо заключение, что дела об убийстве не представляли собой исключения из упомянутого общего правила, а ссылки на внесудебные *μαρτυρία* рабов и утверждение в Ant., V, 48 о праве раба *μαρτυρεῖν* в деле об убийстве, возможны именно потому, что речь идет о *μήνυσις*, при юридическом использовании которой, «как известно», рабы-доносчики не подвергались пытке (см. Morrow, PLS, стр. 83).

В самом деле, в связи с убийствами мы, с одной стороны, иногда находим ссылки на рабов-*μηνυταί*, которые, однако, подвергаются пытке, а с другой — высказывания подобно сделанному по поводу случая с рабом-сопроводителем, который, умирая рядом со своим господином, убитым той же рукой, назвал убийцу: «за такие показания, *ἐπὶ ταῖς τοιαύταις μαρτυρίαις*, не подвергают (рабов) допросу под пыткой, а выпускают их на волю» (Ant., II γ 4). Но такое же говорит обвиняемый в деле об убийстве Герода в связи с показаниями раба, убитого после успешного допроса его под пыткой, и этого раба тут же называют доносчиком: «они взяли и убили его, — убили доносчика, *τὸν μηνυτήν*, на показания которого они опираются, преследуя меня теперь, — поступив с ним не так, как другие люди; ведь другие дают деньги доносчикам из свободных, а рабов освобождают» (Ant., V, 34, ср. §§ 46—47). Правда, этот случай, в отличие от предыдущего, осложнен тем обстоятельством, что человек, имя которого раб назвал, был по этому же делу вызван в суд не как убийца, а по публичному иску как «злодей», *κακοῦργος* (см. § 9). Зато в другой речи по делу, переданному суду путем *δίκη τραύματος ἐκ προνοίας*²⁰, мы читаем о «вот этом ребенке, который помочь мне не был в силах, а выдать меня мог бы под пыткой» — *τοῦτό γε τὸ παῖδιον, ὅ... μηνύσαι... ἰκανὸν ἦν βασανίζμενον*²¹.

В первом случае (Ant., II γ 4) явно не имеется в виду награждение рабов за свидетельские показания, сделанные на суде. Данный свидетель умер,

¹⁹ Morrow, PLS, стр. 85; ср. стр. 82; R. Turasiewicz, De servis testibus in Atheniensium iudiciis saec. V et IV a. Chr. n. per tormenta cruciatis, Warszawa, 1963, стр. 71.

²⁰ Т. е. по частному иску о ранении с намерением (убить) — преступление, которое входило в систему *δίκη φόβου*: см. Arist., Ath. pol. LVII, 3; Dem., XXIII, 22.

²¹ Lus., III, 33; перевод взят у С. И. Соболевского — Лисиц. Речь, М. — Л., 1933, стр. 71. Об этом «ребенке», обычно отождествляемом с явно свободным «юношей» Теодотом, см. Grasse, Status Distinctions..., прим. 13, где доказывается, что *παῖδιον* § 33 скорее был рабом-сопроводителем выступающего, присутствовавшим вместе с ним на суде (*τοῦτό γε*), как и везде. Такое же мнение решительно, как само собой разумеющееся, высказал Бласс (F. Blass, Die attische Beredsamkeit, I, Lpz, 1868 (далее — Blass, I), стр. 594, прим. 1; ср. P. Dobre, Adversaria, 1874, стр. 194 — работа цитируется по ссылке у E. W. Bushalla, Torture of Non-Citizens in Homicide Investigations «Greek, Roman and Byzantine Studies», IX, 1968, стр. 66, прим. 19). В поддержку отождествления «ребенка» с Теодотом Бушала ссылаются на то, что в § 33 этот юноша назван *παῖδιον* с целью подчеркнуть его неспособность оказать выступающему сколько-нибудь дельную помощь при предполагаемой драке у дома Симона (ук. соч., стр. 67). Это метко замечено, но плохо увязывается с тем, что сказано в другом месте об энергичном участии Теодота в уличном бою с молодчиками Симона (§§ 17—18).

еле высказав свою *μαρτυρία*, которая в этом же обозначении (см. δ 3) была представлена суду в оболочке свидетельских показаний тех, кто слышал его слова (α 9: οἱ τοῦτου ἤκουον μαρτυρήσουσιν). Только в этой чужой передаче определение убийцы умирающим рабом приобрело юридическое оформление. Во втором случае показания раба-*μηνυτής*, полученные частным порядком путем одностороннего применения пыток (Ant., V, 34 слл.), были затем представлены суду получившей их стороной в качестве самого обыкновенного судебного доказательства-*βάσιλος*. Таким же способом, можно полагать, была бы использована гипотетическая информация-*μήνυσις* «ребенка», упомянутого в Lys., III, 33 — случай, который примечателен, главным образом, тем, что в нем поощрение «доносчика» пытками представляется как самое обыденное дело.

Из других мест у Антифонта, которые цитировали в связи с вопросом о *μαρτυρία* рабов в делах об убийствах, одно (I, 30) опять изображает рабов в роли потенциальных «определителей» преступника. Господин, ставший жертвой убийства, успевает призвать своих рабов в свидетели того, кто нанес ему смертельный удар. Но эти рабы, хотя они названы *μάρτυρες*, могут стать таковыми с юридическим эффектом только в таком случае, если им будет дана возможность передать завещанную им информацию суду. В другом месте (Ant., VI, 23) речь идет о следствии по обстоятельствам смерти предполагаемой жертвы убийства. Обвиняемый, пока иск против него еще не принят *басилевсом*, приглашает обвинителя самого, в сопровождении своих же свидетелей (*λαβόντα μάρτυρας*), подойти к любым из тех многих людей, «и свободных и рабов», которые присутствовали (*παράγενομένους*) при заболевании и смерти предполагаемой жертвы и знают (*συνειδότες*), как все произошло. Он по имени называет ему каждого из этих присутствующих и знающих и предлагает обвинителю допрашивать их, чтобы лично убедиться в непричастности его — обвиняемого — к этой смерти (§§ 22—23). При этом он также предлагает передать обвинителю на допрос *под пыткой* любых из своих допрашиваемых рабов, ответы которых будут казаться ему неправдивыми, и обещает уговорить владельцев других рабов сделать то же самое. В этом обстоятельном изложении, во-первых, термин *μάρτυς* ни разу не применен к людям, ни свободным, ни рабам, предложенным для допроса. Правда, эти же люди названы *μάρτυρες* в § 19, где термин употреблен в простом смысле «очевидца» (см. MacDowell, AHL, стр. 105), т. е. в смысле аналогичном значению слов *παράγενομένοι* и *συνειδότες* в §§ 22—23. Во-вторых, вся эта процедура, если бы она осуществилась (обвинитель отклонил предложение), носила бы внеюридический характер. Это было даже не подготовлением свидетельств для суда, а попыткой достичь разрешения спора без суда.

В приведенных местах встречаются рабы, названные *μάρτυρες*, свидетельства которых иногда по своему содержанию совпадают с типом информации, предоставляемым лицом, которого в других местах называют *μηνυτής*: Ant., I, 30; II α 9 + γ 4, ср. там же, δ 3, где обвиняемый говорит, что (поскольку он, увы, не знает, кто в действительности виновен в данном убийстве) он теперь выступает «не как доносчик-изобличитель — οὐ γὰρ μηνυτής οὐδ' ἐλεγκτής — действительных убийц, а как ответчик». Встречается также понятие *μαρτυρία* рабов в более или менее близком сочетании с понятием допроса под пыткой (Ant., VI 19, 23, ср. II β 7). Мы также отметили ссылки на рабов-*μηνυταί* об убийстве и о «ранении с намерением» убить, которых подвергают пытке (Ant., V, 34; Lys., III, 33). Нам также известно о рабах-*μηνυταί*, предоставивших информацию о преступлении против государства, которых не подвергали пытке, а наоборот, в одном случае наградили большой суммой денег (And., I, 27—28: Андромак; ср. §§ 17—18: Лид; Thuc., VI, 27, 2), однако в той же связи — и о рабах, захваченных

властями для допроса, — видимо, под пыткой (см. And., I, 64—65; ср. [Lys.] VI, 21—22); ряд мест в XIII речи Лисия дает основание предположить о допустимости в таком деле применения пыток к неохотным доносчикам из рабов.

Наконец, в этих источниках находим такие высказывания сторонами в деле об убийстве, которые достаточно убедительно свидетельствуют о том, что требовали допроса под пыткой раба, обладавшего нужной информацией о преступнике, или не требовали этого, в зависимости от обстоятельств: замечание обвинителя в Ant., II γ 4 о том, что «за такие показания не пытаются рабов», отвечает на замечание обвиняемого в β 7: «не доверяют μαρτυρία рабов — иначе не проверяли бы их пыткой», и ср. δ 7, где обвиняемый указывает, что показаниям данного раба все-таки нельзя доверять, поскольку нет возможности проверить их пыткой (ср. Ant., V, 36, 46 об убитом рабе-«доносчике»). Ввиду противоречивого характера этих трафаретов и свидетельств о конкретных случаях было бы, мне кажется, рискованно заключать о существовании какого-то правила, по которому в качестве μῆνυσται — даже при употреблении самого этого слова в его «техническом смысле» — рабы не подвергались пытке.

Более того, рассмотренные места, по-моему, ставят под вопрос реальность какого-нибудь особого «технического» смысла слова μῆνυσται. Здесь нужно провести различие между значением слова и юридическим значением акта, его юридическими последствиями в известном контексте. Предварительное следствие, проводимое Советом и могущее повести к возбуждению публичного действия типа эйсангелии — весьма специфический юридический процесс, существенно отличающийся от судопроизводственных процедур при других действиях, будь они «публичные» или «частные», — γράφαι или δίκαι. Но в том и другом контексте под словом μῆνυσται всегда подразумевается человек, предоставляющий информацию обвинительно-изобличительного характера.

О техническом смысле терминов μῆνυσται и μαρτυς, о каких-нибудь установленных правилах процедуры, связанных с ними только в этом смысле можно, пожалуй, говорить лишь по отношению к μαρτυς. Человек, присутствовавший при чем-то случившемся, становится μαρτυς в этом техническом смысле, т. е. его μαρτυρία об увиденном и услышанном приобретает юридическое значение только тогда, когда он выступает свидетелем на суде. Во внесудебном контексте слово μαρτυς, как и в любом контексте слово μῆνυσται, может применяться или к рабу или к свободному. Но когда речь идет о свидетельстве на суде, μαρτυς называется только тот, показания которого даны свободно, без принуждения. Более того, когда этот термин появляется в обозначении такого свидетельства, можно, как правило, заключить, что человек, выступающий с ним, сам пользуется свободным статусом. Если не считать своеобразных правил судопроизводства в δίκαι ἐμπορικά (см. прим. 4), то единственный текст, говорящий об обратном, — утверждение в Ant., V, 48 о праве раба μαρτυρεῖν против свободного, обвиненного в убийстве. Само утверждение этого права в одном-единственном контексте φέροις указывает на существование общего правила, по которому показания раба не могли быть внесены в суд в качестве μαρτυρία.

Термин μῆνυσται отличается узостью и определенностью своего значения, которое остается неизменным во всяком контексте. Μῆνυσται непременно «выдает» кого-нибудь. Он может это сделать словом или пальцем или целым драматическим рассказом, подобно сочиненному Диоклидом в деле о порче герм (And., I, 37—42). Побуждением к этому может служить стремление отомстить пострадавшему, причинить зло личному врагу, самому освободиться от мук допроса под пыткой (или избежать таких мук),

от рабского положения, или заработать себе денежное награждение. В деле о порче герм деньги, обещанные за донесение, были солидными (там же, § 40, ср. § 27), и Диоклид устроил себе большой запас «имен» — около 300, на 42 из которых этот расчетливый гражданин успел донести и, к тому же, поесть обед в пританее до того, как был обнаружен его обман и сам он приговорен к смерти (§ 66). Другое шумное дело, из ссылок на которое в XIII речи Лисия мы черпаем сведения о деятельности *μηυτής*, произошло в 404 г. при совсем других политических обстоятельствах. В 415 г. весь народ был в ужасе и гнев из-за оскорбления полисных святынь и подозреваемого олигархического заговора; дело 404 г. было возбуждено в олигархически настроенном Совете против группы граждан, мыслящих по-иному о судьбах побежденных Афин и, по словам выступающего, негодовавших по поводу явных намерений тех, которые на переговорах со Спартой, «говоря о мире, на деле готовят гибель демократии» (Lys., XIII, 13—17). И здесь доноски были пущены в ход, но не для того, чтобы обнаружить личность заговорщиков, а для того, чтобы инкриминировать заговор политическим врагам (§§ 19—21). Для этого нужно было отыскать людей, которых можно будет уговорить или заставить доносить на подсказанных им «виновных» Совету и Народному собранию.

Дела 415 и 404 гг. были достаточно различными по их политической окраске и, соответственно, по мотивам и методам добывания доносов. Но в обоих случаях добытая информация применялась для достижения одинаковых юридических целей: привлечение к суду виновных (мнимых или действительных — здесь не важно) в тяжких преступлениях против всей общины. Иными словами, в таких делах доносчик как таковой был орудием правосудия. Когда, однако, точно такая же информация предоставлялась доносителем частному лицу — одной из сторон в судебном споре, она больше не служила составной частью юридического процесса. И если, превратившись в *μαρτυρία* (или в *βάσιλον*), она могла быть использована в суде, то это не значит, как, видимо, думал Гуггенхайм, что судебная *μαρτυρία* человека, доносившего на преступника частному лицу, в действительности, по юридической сути своей, представляла собой не *μαρτυρία*, а *μήρυσις*. В этом отношении рассуждения Морроу по поводу теории Гуггенхайма мне кажется очень здравыми.

В ответ на эту теорию о чисто словесной замене одного термина другим (в обсуждаемых местах у Антифонта) и на предположение о том, что за этой заменой скрывается признание афинскими законами *μήρυσις* об убийстве, Морроу выдвигает ряд юридических соображений. Он замечает, что такой донос, предоставленный частным лицам, сам по себе не имел юридического значения и для разрешения его не было нужды ни в какой специальной законодательной санкции. Следовательно, ни к чему было бы утверждение произносящего речь в Ant., V, 48, что раб может выступать свидетелем (*μαρτυρεῖν*) против свободного в деле об убийстве, если бы под этими словами подразумевалось лишь доставление рабом такого рода вне-юридической информации (PLS, стр. 84). Необходимость такого утверждения можно видеть только в том случае, если оно указывает на специальное санкционирование для дел об убийстве исключения из общего правила, согласно которому допускали в суд показания рабов только в виде *βάσιλοι*. Иными словами, по мнению Морроу, дело не в возможности у п о т р е б л я т ь с л о в о *μαρτυρεῖν* (обычно указывающее на выступление свободного свидетеля) для обозначения *μήρυσις* раба, но в законодательном разрешении использовать информацию об убийстве, добровольно доставленную рабом, в качестве вполне реальной судебной *μαρτυρία*.

По предположению Морроу (стр. 85 сл.), право рабов *μαρτυρεῖν* в процессах об убийствах, засвидетельствованное в Ant., V, 48 и отраженное

в Plat., Leg. 937ab, представляет именно такое специально разрешенное юридическое оформление внеюридической информации рабов. Оно предназначено для того, чтобы дать родственникам убитого возможность использовать эту информацию в суде без проверки ее пыткой и тем самым поощрить донесение рабов об убийстве. В этом Морроу даже видит «шаг в направлении ассимиляции убийства с группой преступлений против всей общины», вызванный тем, что это «частное» преступление причиняет достаточно серьезный вред всей общине, чтобы «оправдать допущение исключительной процедуры» в целях привлечь преступника к ответственности (стр. 86). Не совсем ясно только то, когда, по мнению Морроу, этот шаг был предпринят — да и могло ли вообще быть такое время, которое согласовывалось бы и с мотивировкой, предложенной Морроу, для предоставления рабам этого права, и с тем очевидным игнорированием его на практике, о котором свидетельствуют источники.

Морроу сам обращает внимание на это игнорирование, останавливаясь (стр. 86—88) на ряде источников, относящихся главным образом к концу V в. (I, VI, V речи Антифонта и I речь Лисия): там, где можно было ожидать упоминания рабов, представленных суду в качестве *μάρτυρες*, такого нет совсем, а слишком часто встречаются ссылки на «вызовы» сторон подвергнуть рабов допросу под пыткой (это особенно заметно в I речи Антифонта). Но случай, который Морроу находит наиболее трудным для объяснения, относится к середине IV в.: Dem., LIX, 9—10. В этом месте говорится о том, как один гражданин привлек другого к суду в Палладии за убийство женщины, статус которой не определен (называют ее просто *ἡ ἄνθρωπος*), но она, очевидно, не была гражданкой. Особенно интересуют Морроу в этом тексте слова «подготовив себе (*παράσκευασάμενος*) неких рабов и выдав их за киренцев», под которыми Морроу понимает, — мне кажется, ошибочно, — подготовку и представление обвинителем ложных свидетелей²². Спрашивается, почему нужен обман, если эти рабы могли бы и так «свидетельствовать»? Морроу думает, что, вероятно, свободные свидетели все-таки дали бы лучшие шансы на обвинительный приговор (ук. соч., стр. 88).

В связи с этим текстом Морроу и затрагивает вопрос о времени предоставления рабам права выступать свидетелями в процессах об убийствах, замечая, что «... юридический принцип, узаконивший это право, возможно, к IV веку стал уже священной реликвией древней процедуры (a *hallowed relic of ancient procedure*)», принцип, который, очевидно, еще почитали, во всяком случае, на словах, во время Антифонта (ук. соч., стр. 89). И этим, добавляет Морроу, может быть, и объясняется важная роль, отведенная рабу-доносчику в идеальном городе «Законов» Платона: ведь Пла-

²² Мне кажется, что эти рабы были выданы скорее за родственников жертвы. В таком случае, надо полагать, женщина — жертва убийства — не была рабыней обвинителя, как обычно предполагают (см. L. Gernet, *Démosthène. Plaidoyers civils*, IV, P., 1960, стр. 73, прим. 2; ср. MacDowell, *АНЛ*, стр. 54), а принадлежала к метекам и находилась под его покровительством. Возможно, что когда с точки зрения закона настоящими истцами были ксены или метеки, нужным или желательным было поручительство (или представительство) гражданина для того, чтобы пустить в ход или даже вести дело совместно с ними или от их имени. В том же духе можно понимать слова, адресованные обвинителю в Ant., V, 59: «ты и близкие родственники» (Герода). См. Grasse, *Status Distinctions...*, стр. 17 и прим. 7a. Может быть, на Морроу повлияло то, что там, где речь идет о «подготовке» именно свидетелей, глагол *παράσκευάζειν* намекает на подкуп или другие махинации с ними. Но, кроме этого, нет никакого намека на то, что люди, «выданные за киренцев», должны были выступить в качестве свидетелей. Наоборот, приписывание им определенного чужеземного происхождения вместо того, чтобы просто назвать их «свободными» (в ответ на слово *δούλους*), говорит о более существенной, именно родственной связи их с жертвой.

тон вообще оказал предпочтение законам предков (там же). Это — довольно расплывчатая датировка, но общее впечатление таково, что Морроу относит введение обсуждаемой «исключительной процедуры» ко времени Солона или даже Драконта — по крайней мере, ко времени, значительно более раннему, чем то, когда мог существовать институт βάσανος, который, согласно Морроу, должен был быть обойден принципом, засвидетельствованным в Ant., V, 48.

Решение этой проблемы, предложенное Жерне, проще и на мой взгляд более убедительно: «право», о котором речь идет в этом месте у Антифонта, восходит к древнейшей процедуре δίκη φόρου, в частности, к той особенно торжественной клятве — διωμοσία, утверждающей вину обвиняемого, к которой присоединялись и родня жертвы и его «дом», ставшие, таким образом, соучастниками в преследовании убийцы²³. Ритуальная клятва, сохранившаяся в классический период, не заменяла правил, сложившихся к этому времени о представлении в суд показаний таких рабов, которые не участвовали в διωμοσία обвиняющей стороны. Отсюда частые упоминания о басаносе в связи с делами об убийстве в дошедших до нас источниках. Гипотеза Жерне, как мне кажется, не только лучше других объясняет ситуацию, которую мы находим в источниках, но и хорошо согласуется с положением члена семьи, признанным за рабом в законе, т. е. правом господина или его близких родственников преследовать убийцу раба (см. выше, прим. 6).

В общем итоге можно, по-моему, признать без особых колебаний одно положение, принятое и Морроу и Жерне, а именно, что под словами μαρτυρεῖν ἔχεισι δοῦλφ в Ant., V, 48 не следует подразумевать ссылку на μῆνσις рабов. Замечая, что примечательно отсутствие в этом месте у Антифонта упоминания рабов-μῆνταιί, я не имела в виду отсутствия ссылки на «право» раба сообщать об убийстве лицам, заинтересованным отомстить за него. Для этого, очевидно, не нужно было особого права, так же как его не нужно было для того, чтобы принудить раба «называть имена». Примечательно то, что подсудимый, усердно собравший против своих обвинителей все возможные права и запреты, даже такие, которые не имели отношения к делу данного раба, и сам повторно и подчеркнуто называвший этого раба «доносчиком», не приводит никакой особой законодательной меры, охраняющей жизнь раба-доносчика.

В законах, предложенных Платоном для идеального полиса, есть такие меры, и в этой связи Морроу, который оставляет без комментариев применение слова μῆντης к рабу, уничтоженному обвинителями в деле об убийстве Герода (может быть потому, что термин применен здесь не в своем «техническом смысле»), замечает, что в источниках «встречаются намеки на то, что и в Афинах иногда „убирали“ потенциальных доносчиков» (PLS, стр. 53). Он ссылается на Lys., VII, 16 и на § 52 речи об убийстве Герода. В последнем месте обвиняемый, говоря о том же рабе и о другом, свободном человеке, которые, если бы в самом деле он, обвиняемый, убил Герода, об этом знали бы, доказывает, что в таком случае «я бы совсем убрал их обоих, взяв их с собой в Энос или же перебросив в Азию, а не оставил бы за собой готовых μῆνταιί» (см. Моггов, там же, прим. 17). Это еще не намек на убийцу раба-доносчика; для этого Морроу мог бы сослаться на [Lys.] VI, 22.

²³ G e r n e t, Introd. стр. CXXVII; «il ne s'agit pas d'une capacité qui serait octroyée par le droit...; il y a là seulement un archaïsme». Cp. G e r n e t, Esclavage, стр. 154 сл.; G. G l o t z, La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce, P., 1904, стр. 290 сл.; о н ж е, Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité, P., 1906, стр. 162 сл.

Но не нужно никаких намеков для того, чтобы понимать, какую опасность рабы могли представлять для свободных людей — злоумышленников или ставших мишенями злостных замыслов своих сограждан. В особенности, конечно, личная прислуга, писцы и тому подобные рабы — привычная домашняя утварь, отсутствие которой рядом замечалось бы скорее, чем присутствие, — были постоянными свидетелями всего зла, сделанного и перенесенного своими господами. Такие «знающие» были вдвойне опасны тем, что под пыткой они могли «выдать» кого угодно, и искупление во время убрать их иногда, должно быть, оказывалось непреодолимым. Как иначе понимать, например, высылку раба из Аттики Диоклеем, по приказу которого раб убил человека (Isae., VIII, 41)? Но и убийство таких *μῆνται* было не редким явлением, во всяком случае к середине IV в., если судить по словам Платона. В преамбуле к своему закону о преднамеренном убийстве Платон выделяет три главных порока души, ведущих к совершению таких убийств. Из них третий — страх перед возможностью раскрытия затаенных поступков — во многих случаях ведет к убийству тех, кто мог бы донести об этих поступках (Leg. 870cd). В самом же законе, если не считать пункта о самоубийце (873c), мотив преступления затрагивается только в исключительно суровой мере ²⁴, касающейся убийства раба свободным человеком (872c). Мотив устранения потенциального доносчика всецело занимает этот тип дела, что подчеркивает важность раба-доносчика в платоновской схеме для организации правосудия в идеальном полисе и, взятое вместе с 870cd, позволяет заключить о нередкости случаев таких убийств в Афинах того времени.

Можно считать сомнительной уместность применения слова *μῆνταις* к рабу, назвавшему убийцу Герода, хотя бы потому, что, согласно выступающему, когда этот раб понял, что все равно он умрет, он отрекся от своих показаний (Ant., V, 33—34). Но это не снижает риторического эффекта от повторения термина, которое должно было привлечь внимание к зависимости успеха обвиняющей стороны от показаний уничтоженного ею же раба. Именно ввиду подчеркивания потенциальной роли этого раба как доносчика *против* обвинителей отсутствие ссылки в §§ 47—48 на какую-то особую суровость закона в отношении раба-*μῆνταις* дает достаточное основание предположить отсутствие в афинском законодательстве подобной меры ²⁵. В пользу этого заключения говорит даже и то, что вместо ссылки на такую меру упомянуто право рабов выступать в качестве *μάρτυρες*. В общем следует, я думаю, придерживаться обычного понимания этого текста и довольствоваться имеющимися в нем сведениями, как утвердительными, так и отрицательными.

Раб, убивший своего господина. Еще одно утверждение в разбираемом отрывке — «В» прилагаемого текста — дает, по-моему, уникальное свидетельство о характере и пределах вмешательства властей в дело раба, убившего свободного человека. Правда, речь идет о крайнем случае, когда

²⁴ «Если кто-нибудь убьет ни в чем неповинного раба, боясь, что раб донесет о его позорных и злых деяниях, или по какой-нибудь другой подобной причине, пусть он понесет ответственность за это по тем же (правилам), как если бы он убил гражданина». Это должно означать, например, наказание смертной казнью. Ср. 932d: раб, доносивший о дурном обращении кого-нибудь с родителями, будет освобожден, и власти должны проявлять заботу о том, чтобы доносчик не подвергся мщению.

²⁵ Сходное мнение высказано Морроу: «В аттическом законодательстве, насколько мы знаем, убийство доносчика наказывалось так, как и убийство какого-нибудь другого раба, т. е. изгнанием» (PLS, стр. 56; ср. стр. 54 и прим. 21). Морроу, Introd. стр. CXXIII), где, однако, ничего не сказано ни о мотиве убийцы, ни о мерах наказания за убийство раба (по поводу последних см. Gracé, Status Distinctions..., прим. 2) а, возможно, и на Dem. LIX, 9—10, принимая женщину, упомянутую здесь, за рабыню (см. прим. 22).

раб убивает собственного господина. Повторением слова οὐδέ («даже тех, кто убил своего господина... даже их не...») оратор как будто намекает на то, что раб, убивший кого-нибудь другого — а Герод, видимо, не был господином данного раба — мог рассчитывать на большее участие общины в решении его судьбы. Можно принимать или не принимать этот намек как «доказательство» права раба в таком случае защищаться в суде, но нет основания отрицать достоверность сообщения «В» самого по себе.

Однако, каково именно было, согласно оратору, обращение, предписанное «отцовскими законами» афинян для рабов, которые убили своего господина? Ответ зависит от толкования одного слова ἀρχή. В прилагаемом тексте оно переведено по возможности широко, как это сделал и Морроу (PLS, стр. 70: are delivered over to the authorities; ср. Maidment, MAO, стр. 195). Макдоуелл переводит: they hand them over to arkhon — «их передают архонту» (AHL, стр. 103; ср. Жерне — au magistrat). Слово ἀρχή иногда имеет такое значение, указывая скорее на само должностное лицо, чем на ведомство. Но Макдоуелл, который в своих транскрипциях греческих имен и терминов держится по возможности ближе к оригиналу, своей верностью этому принципу в данном случае допустил двусмысленность. Слово «архонт» ὁ ἀρχων может обозначать любого из архонтов (но в единственном числе оно сравнительно редко встречается в этом смысле) или именно архонта-эпонима в отличие от базилевса, полемарха и т. д. Едва ли под the arkhon Макдоуелл имел в виду эпонима, но его перевод заставляет задуматься о том, какого из магистратов имел в виду оратор. Дело в том, что в данном контексте только одно отдельное должностное лицо — в отличие от коллегии — могло иметься в виду, а именно, базилевс. В делах об убийстве его функция заключалась, в конечном итоге, в представлении таких дел в суд. Таким образом, Макдоуелл, допуская такое понимание своим суженым переводом слова ἀρχή, подводит оратора еще на шаг ближе к полной последовательности его рассуждений в §§ 47—48. Но с точки зрения юридической интерпретации этот шаг очень ответственный; может ли он быть оправдан?

Прежде чем обсуждать этот вопрос, кое-что нужно сказать о возможном значении этого слова при менее ограничительном толковании его. Если не архонту — не эпониму и не базилевсу, то какому органу власти мог быть передан такой раб и с какой целью? На вторую часть вопроса достаточно удовлетворительный ответ содержится в тексте Антифонта: с той целью, от выполнения которой родственники убитого воздержались, — целью, от выполнения которой родственники убитого воздержались, — для умерщвления раба, т. е. с той самой целью, с какой наложница Филодея была передана общественному палачу²⁶. Палач, очевидно, находился в ведении коллегии Одиннадцати, в компетенцию которой входило приведение в исполнение казней. Мне кажется более всего вероятным, что τῇ ἀρχῇ в Ant., V, 48 указывает на эту коллегию²⁷. Во всяком случае, на мой

²⁶ A n t., I, 20. Статус этой женщины нелегко поддается определению. Из слов, которыми выступающий описывает казнь ее, — очевидно без суда, за отравление двух граждан, можно с полной уверенностью заключить лишь об одном, что ко вреду ее казни она не имела признанных родственных связей с гражданской семьей. Подробнее об этом см. в указанных моих статьях в ВДИ, 1968, № 1, стр. 39—42 и в «Eirene», XI, 1973, стр. 5 сл., 26—28; ср. E. W. Bushala, The pallake of Philoneus, AJP, CX, 1969, стр. 65—72. Бушала дает (прим. 1) богатый список литературы по этому вопросу и подвергает строгой критике основы, на которые опирается мнение большинства ученых, что эта женщина была рабыней; сам он приходит к выводу, что она была или из метеков или из ксенов. Указания Бушалы на «юридическое следствие» и «вынесение приговора» по ее делу (стр. 65, 71), что подразумевает судебный процесс, по моему мнению, не оправданы текстом Антифонта в I, 20, где сказано только то, что она после пыток на колесе (τροχίσθεος) была передана общественному палачу (τῷ δημόσιῳ πραιπόσιτῳ).

²⁷ Выражению πραιπόσιτος τοῖς ἐνδεκά, без дальнейшего уточнения, придавалось значение «отдать для немедленной казни»: A n t., V, 70; см. L. Gernet, Antiphon.

взгляд это предположение не менее правдоподобно, чем отнесение слова *ἀρχή* к *басилевсу* и, следовательно, ко всей сложной и торжественной процедуре *δίκη φόνου* — к такому пониманию приводит перевод, данный Макдоуеллом.

Сам Макдоуелл не комментирует этого места в своем переводе § 48. Его внимание было сосредоточено на проблеме интерпретации предложения в «Г» о праве свидетельствовать. Однако, естественно, читатель его работы, специально интересующийся вопросом о месте рабов в системе афинского законодательства об убийстве, почувствует некоторую необходимость в комментарии, дающем обоснование такому суженному переводу τῇ ἀρχῇ: «архонту» или «магистрату». Жерне как будто признавал это, давая в примечании к своему переводу «В» ссылку на меру, касающуюся дела типа, «раб — свободный» в платоновском законе о преднамеренном убийстве (Leg. 872b; Gernet, Antiphon, стр. 122, прим. 1).

2. АНТИФОНТ, ПЛАТОН И АФИНСКИЙ ЗАКОН

По превратности судьбы мы располагаем полным текстом закона об убийстве, составленного Платоном для идеального полиса, между тем как о содержании закона реального полиса нам часто приходится судить по случайным ссылкам у авторов. В сохранении закона Платона можно видеть нечто меньшее, чем чистое благо, разумеется, только в том отношении, что это, так сказать, материальное преимущество придает «идеальному» закону видимость авторитетного источника, способного разрешить проблемы, связанные с интерпретацией реального закона. Эту видимость усиливает тот факт, что в самом деле платоновский текст нередко обнаруживает близкие совпадения с процедурами и мерами наказания, засвидетельствованными для афинского закона, который, очевидно, и служил основной моделью при составлении идеального закона. Не удивительно, поэтому, если иной раз, — особенно тогда, когда не совсем ясно значение или даже правдивость ссылки какого-нибудь автора на афинскую процедуру, — обращаются за помощью к платоновской версии, без должного учета того, что эта версия именно платоновская.

В разбираемом месте у Антифонта мы имеем достаточно ясный намек на то, что афинское законодательство предусматривало судебное разбирательство дела раба, обвиненного в убийстве свободного. Намек этот появляется в форме логического вывода, сделанного человеком, сама жизнь которого отчасти зависела от успеха попытки таким способом отразить от себя острие весьма конкретного доказательства, представленного противниками; а это, в свою очередь, не может не поднять вопроса об обоснованности его рассуждений. При таких обстоятельствах становится соблазнительным подкрепить логику оратора ссылкой на платоновскую меру в деле соответствующего типа.

Мера в Leg. 872b следующая: «Если раб убьет свободного человека намеренно... и будет осужден (*ὁφλὴ τὴν δίκην*), пусть общественный палач отведет его к могиле убитого... и там накажет его бичеванием — столько ударами, сколько назначит выигравший процесс (*ὁ ἐλών*), — и если от этого убийца не умрет, пусть палач добьет его». Как видно, здесь предпри-

Discours, P., 1954 (далее — Antiphon), стр. 128, прим. 2, где ссылки на Лисия, видимо, должны читаться XIV, 17, стр. XXII, 2; ср. Lipsius, AR, стр. 76, прим. 97. В тех же словах был сформулирован смертный приговор, вынесенный самому Антифону в 411 г. после свержения олигархии Четырехсот: *ἐτιμύθη τοῖς ἐνδεκά παραδοθήναι* ([Plut.], Mor. 834 A; об истории передачи этого документа см. Blass, I¹, стр. 87—89; Maidment, MAO, стр. 313). Параллель с фразой в Ant., V, 48 *παραδιδόασιν... τῇ ἀρχῇ* достаточно близка, чтобы оказать некоторую поддержку предложенному мной толкованию этой фразы.

сывается не процедура, по которой вина раба должна быть установлена, но способ, которым должен быть наказан уже осужденный раб. Однако выражения $\phi\rho\alpha\epsilon\acute{\iota}\nu\ \tau\eta\ \delta\acute{\iota}\kappa\eta\nu$ и $\acute{o}\ \epsilon\lambda\acute{o}\nu$ — штампованный язык суда — недвусмысленно указывают на происшедший судебный процесс. О характере процедуры при этом мы можем судить только на основании того, как Платон излагает процедуры для ведущего типа дела «гражданин — гражданин» (871—872a), однако некоторые предписания там явно не подходят для дела «раб — свободный». Для того чтобы понять такое невнимание к деталям процедуры в деле, где обвиняемый — не гражданин, и также презумпцию, что дело раба, обвиненного в умышленном убийстве свободного, будет рассмотрено судом²⁸, нужно было провести целое отдельное исследование по идейным, композиционным и процедурным особенностям каждого из трех главных разделов платоновского закона об убийстве. При этом выявились такие существенные отклонения от афинского образца, которые трудно объяснить без гипотезы о критическом отношении Платона к тем особенностям афинского закона, которые сделали фактически невозможным полный охват типов дел об убийстве, могущих возникать в любом социально развитом полисе IV в. Результаты этого исследования лишней раз подчеркивают рискованность использования отдельных пунктов в законе Платона для заполнения кажущихся пробелов в наших сведениях об афинском законе — о чем справедливо предупреждает Макдоуелл (AHL, стр. 88, 128, ср. стр. 122).

Кроме самой ссылки на Leg. 872b, Жерне не комментирует соотношение этого места у Платона с утверждением «В» (в прилагаемом тексте Антифонта). Возможно, он хотел только указать, что в обоих случаях наказание раба-убийцы приводилось в исполнение публичной властью. Но так как он переводит $\tau\eta\ \acute{\alpha}\rho\chi\eta\acute{\iota}$ в отрывке Антифонта «*au magistrat*», и текст Платона ясно указывает на вмешательство в таком деле полисных властей, сопоставимых с базилевсом и судом Ареопага в Афинах, простая ссылка Жерне на «Законы» может быть справедливо воспринята как знак того, что, по его мнению, Платон нашел всю эту процедуру — и суд и наказание — предписанной для данного типа дела в афинском законе. Сам факт, что этот вопрос не затронут во вступительном очерке Жерне к «Законам» (см. выше, прим. 1), говорит в пользу такой интерпретации его ссылки на «Законы» здесь, в издании Антифонта.

Морроу придерживается подобного мнения об источнике ссылки Платона на Leg. 872b на судебное слушание дела раба. Он основывает его частично на Ant., V, 47—48, частично на Isocr., XII, 181 (PLS, стр. 71, 72 и прим. 50). По моему мнению, ни тот, ни другой текст не показывает, что в Аттике рабы, подозреваемые в совершении убийства, подлежали суду. Вопрос о том, что именно показывает место у Антифонта в этом отношении, допустим, должен считаться все еще открытым. Но сомнительная ценность этого места как самостоятельного свидетельства достаточно ясно показана тем, что Жерне приводит место в «Законах» Платона, по-видимому, в поддержку интерпретации Ant., V, 48, сходной с той, которую делает Морроу, в то время как Морроу приводит место у Антифонта как свидетельство того, что Платон, предусматривая в Leg. 872b судебный процесс для раба, следует афинскому закону.

²⁸ В законе Платона о ненамеренном убийстве нет соответствующего пункта вообще, а в его законе об убийстве, совершенном в порыве гнева ($\theta\rho\upsilon\varsigma$), раб, убивший своего господина, должен быть уничтожен родственниками убитого, и если жертва — «другой свободный», то раб должен быть передан его «господам» родственникам убитого для умерщвления — в обоих случаях без вмешательства полисного суда (868bc). См. выше, прим. 12.

Морроу, видимо, не обеспокоен сочетанием у оратора в Ant., V, 47—48 афинских юрисдикционных предписаний, касающихся граждан городов, входивших в архе, и афинского закона об убийстве²⁹. Его не смущает, очевидно, также и другое «несоответствие», появляющееся в «А» (взятое вместе с § 36), которое прямо аннулирует ценность аргументации в «Б» — «Д» как основы для вывода о том, что по афинским юридическим нормам раб, обвиненный в убийстве, имел право на судебный процесс. Речь идет о том, как, по мнению обвиняемого, обвинители должны были поступить с рабом, которого они допросили под пыткой и затем убили. В предшествующих параграфах (31 слл.) обвиняемый доказывал, что допрос был проведен не по правилам, поскольку он сам не присутствовал при нем. Для того чтобы исправить это упущение, обвинители должны были не убить раба, а приведя его живым в Афины, предоставить обвиняемому возможность подвергнуть его повторному допросу и оставить судьям определить своим решением по основному делу, истинное значение полученных таким образом показаний³⁰. В этой программе нет ничего, предусматривающего судебное решение о вине или невиновности раба в убийстве Герода. Обвиняемый старается здесь подорвать доверие судей к обвинительным показаниям этого раба. Можно, конечно, постулировать и такую связь между этой и последующей аргументацией: поскольку проверку истины (как и золота), басаносом, если она неправильно проведена, нельзя считать подлинной, то утверждать в «Д», что этот раб был убит *ἔχριστος*, это все равно, как если бы сказать, что он был убит *ἀβασάνιστος*, в смысле «недопытанным». Но как бы ни было заманчиво такое толкование, у нас нет надобности в нем.

Другое место, приведенное Морроу в поддержку его вывода об афинском законе, — Isocr., XII, 181, свидетельствует об общем мнении, что всякий, кто убьет даже своего собственного раба, оскверняется этим (ср.

²⁹ В PLS, стр. 51 Морроу пишет со ссылкой на Ant., V, 47, 48: «Засвидетельствовано Антифоном то, что умышленное убийство раба без судебного решения (the deliberate killing of a slave without judicial authorization)... противоречило законам Афин». Это — итог рассуждений в § 48, а в следующей части своего пересказа Морроу отправляется от юрисдикционного декрета, на который оратор ссылается в § 47. О своих обвинителях оратор говорит (в изложении Морроу), что «не они..., но только афинский народ должен судить, заслуживает ли смерти как оный и будь человек (а man)...». Пересказ верно передает мысль, которую оратор, очевидно, хотел внушить своим слушателям, а заодно позволяет уличить его в попытке «объединить то, что в действительности разделено». В отрывке, взятом у Морроу, подчеркнuto мной.

³⁰ Такова, я думаю, действительность, лежащая за неоднократными ссылками выступающего на *ἡ ψήφος* в связи с этим рабом (см. прим. 8), хотя он и хочет придать этому слову иной смысл. В связи с одним из этих случаев Жерне поймал его на фактической ошибке. Комментируя место в § 48 *τῷ δούλῳ ... τῷ ἐλεύθερῳ* и ссылаясь на Ant., VI, 3—4, Жерне указывает, что убийство собственного раба «ne donne pas lieu à jugement»; поскольку данный раб был убит своими владельцами (§ 47), «le sophisme est donc certain» (Antiphon, стр. 122, прим. 3; ср. Maïdment, MAO, стр. 195, прим. а). Это так, но этого мало. Критика Жерне ударила бы с большей силой, если можно было бы принять всерьез не только вывод оратора («Д»), но также и то, что к делу данного раба относятся те другие послышки в «В» — «Г», на которых этот вывод «основывается» — так: 1) рабы, убившие своих господ, передаются властям для казни (а этот раб был казнен частным образом); 2) в делах об убийстве рабам разрешено добровольно давать показания (также мог бы и этот раб дать показания). Тогда, действительно, критика Жерне по поводу третьего куска закона — убийца раба подлежит приговору суда — выявила бы единственную неувязку в остальной стройной серии. Однако: 1) Герод не был господином этого раба и 2) показания, извлеченные пыткой, — не добровольные показания. В самом деле, начиная с наиболее явного софизма из всех, — ссылки на постановление для архе («Б»), и особенно если иметь в виду процедуру, рекомендуемую в «А» как правильный метод обращения с этим рабом, в §§ 47—48 мало где найдется увязка юридической аргументации с делом данного раба.

Ant., VI, 4; Lipsius, AR, стр. 794, прим. 17). Исократ осуждает лакедемонян за их обращение с периеками: они разбрасывают периеков по мелким поселениям, а называют их «живущими в городах»; хотя периеки — свободные, эфоры могут, например, убить их столько, сколько захотят, без суда, «в то время как для других эллинов считается нечестьем осквернять себя убийством (*μικροφονεῖν*) даже худших из своих рабов». Это скорее табу, чем закон. Искать в нем доказательство того, что рабы в Аттике имели право защищаться перед судом в случае обвинения их в «преступлениях, влекущих смертную казнь», как это делает Морроу, значит, по-моему, хвататься за что-то меньшее, чем соломинка.

Свидетельство о праве раба в идеальном государстве Платона защищаться в суде против обвинения в намеренном убийстве (Leg. 872b) придало бы значительно больше веса выводу Морроу, если бы можно было установить более убедительную связь этой платоновской меры с афинским законом, чем представляет аргументация, сочиненная Антифонтом для спасения его митиленского клиента. Отчасти именно потому, что в рассуждениях по поводу этих двух свидетельств замечается некоторое хождение по кругу, тенденция прислонить одно свидетельство к другому для взаимной поддержки, мне казалось необходимым отделить платоновское свидетельство от антифоновского и подвергнуть первое отдельному рассмотрению, прежде всего как органическую, неотделимую часть платоновского «идеального» закона. Но и анализ текста Антифонта, сделанный на предыдущих страницах, я надеюсь, уже достаточно убедительно показал, что в отношении афинских юридических норм это не то прочное доказательство права раба, обвиненного в убийстве, на судебный процесс, которое в этом тексте иногда видят.

Сведения о положении рабов в делах об убийствах, черпаемые из Ant., V, 47—48, можно подытожить в следующих пунктах:

1. Рабы, которые убивают своих господ, передавались, как правило, — во всяком случае, согласно установленному обычаю, а возможно (но, на мой взгляд, это маловероятно), согласно закону, — полисным властям для казни. Кажется разумным предположить, что этой «властью» (*ἡ ἀρχή*) была коллегия Одиннадцати.

2. Рабам было разрешено выступать в суде свидетелями (*μαρτυρεῖν*) против свободных людей, обвиненных в убийстве.

3. Господин раба имел право, но, по-видимому, не был обязан преследовать по суду убийцу своего раба.

Первое и второе утверждения уникальны как информация, касающаяся общих правил о процедуре в делах об убийстве. В свете других свидетельств, показывающих, что в делах об убийстве показания рабов могли быть представлены в суд и в форме *βάσανοι*, кажется возможным, что право, засвидетельствованное в Ant., V, 48, восходит к додраконтовской процедуре, по которой в совместной клятве обвинения участвовали родня и «дом» убитого. Однако, насколько мне известно, нет прямых сведений об участии рабов в этой клятве, как и нет их вообще о выступлениях рабов в суде в качестве *μαρτυρες*.

Третий пункт подтверждается другими источниками, в частности Arist., Ath. pol. LVII, 3 и Dem., XLVII, 70—72. Единственное указание, которое представлено только у Антифонта, заключается в условном предложении *ἂν δοῦναι*, «если он находит это нужным». Эти слова, если вообще можно вывести из них что-нибудь определенное, указывают на отсутствие какого-либо общественного мнения или юридического правила, требующего от рабовладельца, чтобы он отомстил за убийство своего раба. Он, видимо, мог возбудить или не возбудить процесс в зависимости от того, насколько это отвечало его личным чувствам или его деловым или политическим ин-

тересам. В пользу признания юридической аутентичности условного отенка, переданного этой фразой, говорит тот факт, что добавление ее никоим образом не содействует достижению главной цели доводов оратора в §§ 47—48.

Главная интересующая нас тема — вопрос о том, по каким процедурам привлекали к ответственности раба, обвиненного в убийстве, — затронута только в первом пункте, и информация, предоставленная здесь, ограничена тем, что она относится лишь к случаю, когда раб убивает своего господина. Но совершенно ясно, что Антифонт был не в состоянии снабдить своего клиента какой-либо ссылкой на «отцовские законы» в поддержку вывода, сделанного в конце отрывка: что умерщвление раба, обвиненного в убийстве свободного — не своего господина, без приговора суда (т. е. случай, представленный делом данного раба, которого «не следовало убить *ἄκριτον*») было нарушением закона, подлежащим суду. Отсутствие какого-либо подобного пункта в афинском законодательстве об убийстве достаточно ясно вытекает из того, что выступающий не приводит его. Более того, та единственная процедурная норма, относящаяся к рабу-убийце, которую он приводит («В»), может быть названа «процедурной» только в самом широком смысле слова; в смысле формального действия, предпринимаемого в целях получить юридическое решение спорного дела, это не процедура вовсе. Поэтому всю информацию, и прямую и косвенную, данную Антифонтом об обращении с рабом-убийцей, можно подытожить в четвертом пункте:

4. Раб, обвиненный в убийстве любого свободного, не имел права защищать себя в суде. Когда раб убил своего господина, он, как правило, передавался полисным властям для казни.

Наконец, отсутствие в доводах выступающего в §§ 47—48 каких-либо свидетельств об особом законодательном внимании к рабу-доносчику, взятое в связи с его повторными ссылками в предыдущих параграфах на раба, о котором шла речь, как на *μηρυτής*, дает основание для вывода:

5. Личность раба, предоставившего или способного предоставить информацию об убийстве, не защищалась никаким специальным предписанием закона.

Из наличия таких предписаний в «Законах» Платона (см. прим. 24) рискованно заключать, что после составления V речи Антифонта и до середины IV в. подобные меры были внесены в афинские законы. Это особенно невероятно в отношении афинского закона об убийстве, «драконтовский» текст которого пережил без существенной модификации (согласно античной традиции, без каких-либо изменений) два олигархических переворота и следовавшие за ними две крупные законодательные «чистки» конца V в.³¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

Antiphon V, 46—48

(текст по изд. F. Blass, Lpz., 1908)

- A (46) ...μη οὖν ἐξέληται τοῦτο ὑμῶν μηδεὶς, ὅτι τὸν μηρυτὴν ἀπέκτειναν, καὶ διετείναντο αὐτὸν μὴ εἰσελθεῖν εἰς ὕμᾱς, μηδ' ἐμοὶ ἐγγενέσθαι παρόντι ἄξει τὸν ἄνδρα καὶ βασανίσαι αὐτόν. καίτοι πρὸς τούτων ἦν τοῦτο. (47) νῦν δὲ πριάμενοι τὸν ἄνδρα, ἰδίᾳ ἐπὶ σφῶν αὐτῶν ἀπέκτειναν, τὸν μηρυτὴν, οὗτε τῆς πόλεως φημισαμένης, οὗτε αὐτόχειρα ὄντα τοῦ ἀνδρός. ὃν ἐχρὴν δεδεμένον αὐτοὺς φυλάσσειν, ἢ τοῖς φίλοις τοῖς ἐμοῖς ἐξεργυῆσαι, ἢ τοῖς ἄρχουσι τοῖς ὑμετέροις παραδοῦναι, καὶ φῆρον περὶ αὐτοῦ γενέσθαι.

³¹ См. R. S. Stroud, *Dracon's Law on Homicide*, Berkeley and Los Angeles, 1968, стр. 19—27, 56, 64, 77.

- Б νῦν δὲ αὐτοὶ καταγόνοντες τὸν θάνατον τοῦ ἀνδρὸς ἀπεκτείνετε· ὁ οὐδὲ πόλει ἔξεστιν, ἄνευ Ἀθηναίων οὐδένα θανάτῳ ζημιῶσαι. καὶ τῶν ἄλλων (mss. ἄλλων) λόγων τῶν ἐκείνου τουτουσί κριτάς ἡξιώσατε γενέσθαι, τῶν δὲ ἔργων αὐτοὶ δικάσται ἐγένεσθε.
- В (48) καίτοι οὐ δέοι τοὺς δεσπότας ἀποκτείναντες, ἐὰν ἐπ' αὐτοφώρῳ ληφθῶσιν, οὐδ' οὗτοι ἀποθνήσκουσιν ὑπ' αὐτῶν τῶν προσηκόντων, ἀλλὰ παραδιδόασιν αὐτοὺς τῇ ἀρχῇ κατὰ νόμους ὑμετέρους πατέριους.
- Г εἴπερ γὰρ καὶ μαρτυρεῖν ἔξεστι δούλῳ κατὰ τοῦ ἐλευθέρου τὸν φόνον, καὶ τῷ δεσπότη, ἂν δοκῇ, ἐπεξελεῖν ὑπὲρ τοῦ δούλου, καὶ ἡ ψῆφος ἴσον δύναται τῷ δοῦλον ἀποκτείναντι καὶ τῷ (mss τὸν) ἐλεύθερον,
- Д εἰκός τοι καὶ ψῆφον γενέσθαι περὶ αὐτοῦ ἦν, καὶ μὴ ἄκριτον ἀποθανεῖν αὐτὸν ὑφ' ὑμῶν. ὥστε πολλῷ ἂν δικαιότερον ὑμεῖς ἐκρίνεσθε ἢ ἐγὼ νῦν φεῦγῶ ὑφ' ὑμῶν ἀδίκως.

Перевод

- А (46) Пусть никто из вас не упускает из виду того, что они убили доносчика и сделали все, чтобы он не предстал перед вами и чтобы не было возможности мне взять этого человека и самому допросить его под пыткой. Между тем это должно было быть в их интересах. (47) Однако, купив этого человека, они по собственному усмотрению убили его — доносчика, хотя решения полиса и не было, и не его рука убила Герода. Они должны были сами держать его связанным под стражей или поручить его моим друзьям, или передать его вашим архонтам, и о нем должно было быть вынесено решение.
- В Однако вы сами приговорили его к смерти и казнили, хотя даже полису не разрешено налагать смертную казнь на кого бы то ни было без (решения) афинян. О словах его вы сочли вот этих достойными судить, но о его делах судьями стали сами.
- В (48) Между тем даже рабов, убивших своих господ и пойманных на месте преступления, даже их не умерщвляют родственники сами, но передают властям по вашим отцовским законам.
- Г Ведь если можно и рабу свидетельствовать против свободного в деле об убийстве, и господину, если он найдет это нужным, подать в суд из-за своего раба, и если решение суда имеет равную силу для убившего раба и убившего свободного,
- Д то, конечно, и о нем должно было быть вынесено решение, вам же не следовало убивать его без суда. Поэтому было бы гораздо справедливее, если бы судили вас, чем мне теперь защищаться против вашего несправедливого обвинения.

THE LEGAL POSITION OF SLAVES IN HOMICIDE CASES

by E. Grace

The article is based on a chapter in a study on the legal position of non-citizens accused of homicide in Athens (see *Eirene* XI, 1973, p. 5, note). The one juridical context in which slaves were to any serious extent regarded as legal persons in their own right is that of homicide. The killer of a slave was liable to prosecution at the Palladium by the slave's master and/or the master's close kin (Ar., *Ath. pol.* LVI 3; Dem. XLVII 70—72; Ant. V 48) and when a free person was accused of homicide a slave might testify against him (Ant. V 48). From Ant. V 47—48 it has also been inferred (by G. R. Morrow confidently) that a slave accused of killing had the right to defend in court. The inference is first of all that of the speaker, the Mytilenean defendant in the Herodes case (Ant. V). His momentary purpose, dropped as soon as stated, is to shift the guilt of mur-

der imputed to himself back upon his accusers—for killing the slave from whom they had obtained by torture the statement that he, the defendant, had killed Herodes with the slave's assistance. The defendant's inference follows upon, rather than from, a series of legal postulates most of which are irrelevant to the case in hand: (1) not even a polis can impose the death penalty on anyone «without the Athenians»; (2) not even slaves who kill their masters are put to death privately, they are handed over to the authorities (τῇ ἀρχῇ) in accordance with Athenian ancestral *nomoi*; since (3) a slave is permitted to testify (μαρτυρεῖν) against a free person when the charge is killing and (4) a master can, if it suits him, sue for (the killing of) his slave—it stands to reason (εἰκός τοι) that for putting this slave to death without trial the speaker's accusers should themselves be standing trial.

The first statement, valuable as an indication of the extent to which Athens imposed her jurisdiction over «capital» cases involving citizens of member states in the *arkhe*, is no evidence at all on how or whether Athenian law prescribed for slaves accused of killing. Nos. 3 and 4, though they concern the legal position of slaves in homicide cases, are also beside the speaker's point. Only the second statement relates to slaves accused of killing, but it, too, fails to support the speaker's conclusion. There are grounds for supposing that the *nomoi* cited in (2) were taboo rather than law and that the ἀρχή to which such slaves were delivered, obviously for execution, was the Board of the Eleven rather than the office of any single magistrate. Nothing here points to a court trial for the offending slave—quite the contrary. There is no need to doubt the authenticity of all four statements. We have independent evidence for Nos. 1 and 4, except for the qualification «if it suits him» in the latter (i. e. the master was not in any sense obliged to bring suit). But the speaker's final statement on the slave's right to trial does not ring true. The fact that he formulates it as an inference strongly suggests that here he had no law to cite.

The author discusses at some length D. M. MacDowell's reinterpretation of the witness clause, which would put the slave back «in context» as a victim of homicide; and also legal and terminological aspects of questions raised by modern discussion of slave witnesses and «informers» (μηνυταί) in homicide and other contexts. In the author's view the mention in Ant. V, 48 of the slave's right to testify and the omission from the speaker's argument here of any legal point affecting the slave informer, although in his speech he several times alludes to the slave in question as an informer, confirm Morrow's tentative opinion that in Athenian law there were no such special provisions protecting the life of the slave informer as are found in the laws proposed by Plato for his ideal state (Leg. 872c, 932d).